

Она сказала: «Пусть я не мастерица в рукоделии, но до такого безобразия всё же не опускаюсь». И снова потянулась за тканью, но я крепко обняла её, не давая взять: «Во дворце для Шоули приготовлено столько всего, что это в тысячу раз лучше твоих вышивок. Просто будь добропорядочной княгиней Лулин и не порть дорогой шёлк».

К её чести, она осознавала свои ограничения и даже не пыталась спорить о качестве работы, лишь пробормотала: «Я впервые стала матерью, разве могу я целыми днями лишь наблюдать, как другие заботятся о нём, а сама ничего не делать? Как это будет выглядеть в глазах людей?»

Её бормотание было очаровательно. Глаза её скользили сверху вниз, слева направо, и хотя это не было «оглядыванием с улыбкой», это было в тысячу раз живее. Воспользовавшись моментом, когда она повернулась, я легко укусила её мочку уха, играя с ней губами, и прошептала: «Так ты хочешь сделать что-нибудь, чтобы повесить на него, и чтобы все входящие-выходящие видели, что ты не зря мать — даже вышивку для него сделала? Вот твой план, да?»

Она смутилась от моих слов и шлёпнула меня по руке: «Сама ты вся из мелких помыслов — и других такими же видишь. Я не только вышиваю для него, я ещё и кормлю его...»

Я чуть не подпрыгнула на кровати, резко вскочила и встала перед ней, схватив за руки с негодованием: «Ты кормишь его? Как ты его кормишь?»

Она поняла, что я ошиблась, и засмеялась так, что вся откинулась назад. Я ухватила её, но она намеренно обмякла, позволив мне держать её мягкие руки, и раскачивалась, словно на качелях, с лукавой улыбкой: «Угадай?»

Я опустила её руки и, навалившись на неё, принялась щекотать шею, подмышки и живот: «Не буду угадывать».

Она не могла терпеть щекотку, боясь потревожить Шоули, и, сдерживая смех, поспешно выдохнула: «Бульоном просто! Кормилица сказала, что в его возрасте уже можно бульон. Мне было нечего делать, вот и покормила его несколько ложек. А он пил медленно, я терпения потеряла и потом передала кормилице... Ах...»

Её лёгкие вздохи были прекрасны — не такими искусственными, как у придворных дам, а искренними и полными жизни. Во всём дворце только у неё был такой голос — не грубый до вульгарности, но и не слабый до кокетства. Когда я думала о том, что мы сейчас вместе, в моём сердце всплывали тысячи светло-розовых пузырьков. А её слова, когда она, сдерживаясь, толкала меня: «Далан же здесь», — лишь распаляли меня сильнее. Мне хотелось обнять её, целовать, сплетаться с ней день и ночь, чтобы всё в мире, кроме неё, исчезло, и остались только мы двое.

Я раздела её, как младенца, осторожно прикасаясь губами, стараясь не издавать громких звуков. А её голос становился всё тише и прекраснее.

Мы обнялись в темноте, и она взяла меня за руку, ведя внутрь покоев. Я почти ничего не видела, лишь следовала за её смутным силуэтом, пробираясь сквозь долгую тьму. Раньше я боялась такой темноты, но теперь она не только не пугала меня, но и давала ощущение спокойствия.

Её руки, покрытые мозолями от долгого держания поводьев и оружия, были слегка шершавыми, но это не причиняло дискомфорта. Её ладони были тёплыми, согревая не только

мои руки, но и всё моё существо.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и я увидела, как А-Хуань подводит меня к кровати. Постель была уже приготовлена, скромно, для одного: один длинный валик-подушка, одно большое одеяло. На тюфяке лежал полустарый мягкий шёлковый плед, к которому я привыкла.

У кровати она отпустила мою руку и, как бывало, принялась раздевать меня, аккуратно складывая одежду у изголовья. Усадила, уложила, укрыла. Спустя мгновение скинула и своё платье, скользнув под одеяло. Мы вдвоём лежали под одним одеялом, на одной подушке, лицом к лицу. Её дыхание касалось моих губ, моё — её. Мне нравилась такая близость. Я положила руку на её руку, а другой подперла голову, приподнявшись, чтобы смотреть на неё.

Она улыbnулась мне: «Вот так. Когда придёшь в следующий раз, будем так спать, а в час Инь я разбужу тебя, и ты уйдёшь. Ты нездорова, нельзя ночами не спать». Чуть помедлив, тише добавила: «И *это*... не делай слишком часто».

Я рассмеялась, дотронувшись до её щеки: «Что *это*? Что я не должна делать? Я не понимаю».

Она бросила на меня укоризненный взгляд и толкнула: «Спи». Хотя глаза её сами были широко открыты. Увидев их, я поняла, почему сегодня нет луны: она украдкой спряталась в её глазах и теперь улыбалась мне оттуда.

Я не удержалась, поцеловала её в межбровье, а потом прижалась, полунаивно сказав: «Целый день мы почти не говорили, даже не сказала, что скучала, а теперь сразу — „спи“. Жестокая».

А-Хуань приподнялась, чтобы глянуть на водяные часы, но я удержала её: «Когда я уходила, было ещё далеко до часа Цзы. Сейчас точно рано». Она не стала настаивать, лишь сжала мою руку: «В час Цзы — спать».

Я невнятно кивнула, и чем дольше смотрела на неё, тем сильнее хотелось. Снова поцеловала в щёку и спросила: «Что ты делала сегодня?»

Она ответила: «Переписывала сутры, читала, наблюдала, как нянчатся с Даланом. А ты? Дугу Шао что-нибудь говорила? Я слышала, Императрица тоже наблюдала за состязаниями?»

Я поправила: «Не называй матушку „Императрица“, говори „Вдовствующая Императрица“». И вдруг мелькнула маленькая мысль: «Ты тоже можешь звать её „матушка“». Раньше, когда она изредка называла мою мать «матушкой», меня это бесило. А сейчас почему-то захотелось, чтобы она так её называла. Казалось, если мы вместе придём к матери и обе скажем «матушка», это будет похоже на то, что мы — настоящие супруги.

А-Хуань не уловила моих скрытых намёков, лишь прижалась теснее и спросила: «Что случилось?»

Я подробно пересказала ей события дня. Переживая их впервые, чувствовала одно, а теперь, восстанавливая в памяти, невольно замечала множество упущенных деталей: «Люди вокруг матушки уже давно изменили обращение, но Туаньэр всё ещё называет её „Ваше Величество“». Видимо, Туаньэр не слишком крепко стоит при матери. Такую важную новость ей никто не сообщил.

В глазах А-Хуань мелькнули искорки, она схватила мою руку: «Я редко бываю рядом с матушкой. Вспомни, не называла ли Туаньэр её всегда „госпожой“?»

<http://bllate.org/book/16278/1467097>